

ДРУГИЕ НОТЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ И ЖЕЛТЫЕ ШТОРЫ: ОБЗОР НОВИНОК АПРЕЛЯ

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Редакции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

ХЕЛЕНА ПОБЯРЖИНА, «ДРУГИЕ НОТЫ» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Вторая книга — особое испытание для писателя. Получится ли вообще, и если получится, удастся ли избежать самоповторов, но при этом сохранить авторский стиль, который отметили в первой книге, особенно если она прошла с успехом. Хелене Побяржиной удалось. После напевного «Валсарба», романа-намлания, истории девочки, которая видит бывших людей и хранит историческую память, выходят «Другие ноты» — роман-пасьянс, в котором сто одна глава перемешаны и сложены, нажется поначалу, в произвольном порядке, но при этом заботливо пронумерованы. На случай, если кому-то вздумается выстроить хронологию. Если после оглушительного финала (которого совершенно не ждешь даже при очень внимательном чтении) роман не отпустит и читатель захочет разобраться, в какой именно момент автор ввела его в заблуждение. Рассказчики тут максимально ненадежны — они врут не нам, не собеседникам, но самим себе. «Другие ноты» пронизаны музыкой. Композиции не просто упоминаются, они задают темп и ритм, звучат в голове во время чтения и не покидают ее до тех пор, пока не встретятся на страницах новые — и не сменят прежние. Здесь музыка организует текст, держит его, задает ему темп-ритм, подгоняет и замедляет героев, оплакивает их горе. Сама писательница называет референсом к такой необычной архитектонике «Других нот» «Игру в классику» Хулио Нортасара, героиня Побяржиной даже рождается в день смерти аргентинского классика.

Перед нами роман о страшных утратах и истоках молчания, о невысказанном горе, которое трансформирует для горящего окружающую реальность до полной неузнаваемости — и полного неразличения *правды* и вымысла.

«Зарядное к телефону, я забыла, куда его положила. Вытаскивала из сумки или нет, забыла. Конечно, вытаскивала. Вчера на ночь заряжала, а сегодня у телефона был насыщенный день. Вчера он запечатлел лишь миллион фотографий одного заката. Сегодня миллион фотографий меня возле одной пальмы (ни одной хорошей меня, пальма хороша, даже лучше, чем в жизни). Два миллиона фотографий Мечика, я всегда фотографирую его больше и лучше. Прошу поменять позу, подбираю ракурс, замечаю детали. Жду квадратик на экране, чтобы картинка не плыла, жду, когда пройдут полуголые люди, высушенные на солнце темно-коричневые туземцы, розоватые корпулентные туристки неопределенного возраста с детьми.

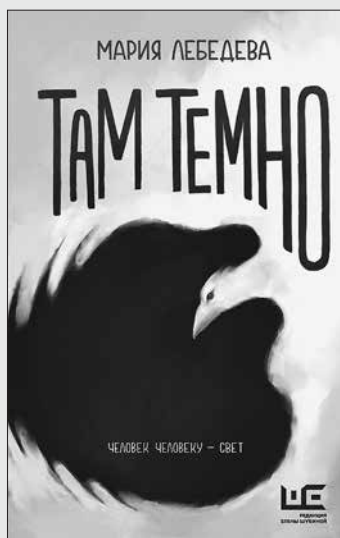
На фото, сделанных мною, Мечик пребывает на фоне красоты. На фото, сделанных Мечиком, смазанная я на фоне чего и кого угодно.

Ты и так красивая, говорит Мечик».

МАРИЯ ЛЕБЕДЕВА, «ТАМ ТЕМНО» («РЕДАНЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

В дебютном романе литературного критика и соведущей поднаста «Девчонки умнее стариков» Марии Лебедевой две главные героини — единокровные сестры Нира и Яся. непохожие между собой, как день и ночь. Они живут в разных городах и при жизни отца так ни разу и не встречаются, хотя друг о друге знают. А потом отец — неудачливый, несостоявшийся писатель — погибает в автонастурфе и становится белой птицей. Белая птица пытается сделать то, чего не смог при жизни отец, — познакомиться с девочками и сделать так, чтобы они почувствовали, что не одиноки. Это основная сюжетная канва романа, главный вопрос в котором — настоящая ли Яся или она лишь представление о ней Нире, героиня романа, который пишет старшая, наследуя дар и проклятие отца. Станет ли робкая, склонная к депрессии Нира писательницей, преодолет ли то, что не удалось преодолеть ему, пока непонятно, но Дар (именно так, с заглавной буквы) в широком смысле этого слова — то, что объединяет всех троих. Поколение тридцатилетних — первое писательское поколение, значительная часть которого прошла через психотерапию. Психологизм в их прозе зачастую явлен не только в традициях классической русской прозы, но и буквально. Так и у Лебедевой: главы названы вопросами из анкеты, помогающей диагностировать депрессию. «Я принимаю решения примерно так же легко, как всегда», «Я не чувствую никакой особенной вины», «Мой аппетит не хуже, чем обычно», «Я не испытываю разочарования в себе». Текст каждой главы становится ответом на один из таких вопросов, читатель всматривается в героиню — тихую и замкнутую и яркую и общительную — и пытается вместе с ними мучительно высмотреть не то, что их разъединяет (это и так на поверхности), но то, что неуловимо их связывает, кроме крови, которая все так же не водица, и памяти об отце. Всмотреться туда, где темно, потому что чужая душа — потемки.

«Уже перед самым рассветом Кира выпрямляет окаменевшую спину, потирает застывшие ладони. Солнце едва ли может пробиться сквозь плотные шторы, и Кира идет к кровати, нашаривает край одеяла и вытягивается под ним. Приходящие сны путаются в прочных нитях, и ловец дергается, точно встревоженный ветром. Может, не все, и сейчас будет сон, разве вот не об этом сигналит дурацкое чувство — как будто нога пропустила ступеньку, и ты спотыкаешься, падаешь, но никак все не упадешь.

Надеясь едва ли на силу ловцов, скорей на усталость от механической нудной работы, она закрывает глаза, и там, под веками, нет ничего – там темно».

ГАБРИЭЛЬ ГАРСИЯ МАРКЕС, «УВИДИМСЯ В АВГУСТЕ» («АСТ»)

Книга, которая не должна была увидеть свет, стала одной из главных мировых премьер. Последний роман великого Габриэля Гарсии Маркеса, точнее пятая его часть (одна из пяти планировавшихся новелл, которые должны были объединиться в роман), все-таки опубликован по решению наследников вопреки последней воле писателя. Не будем сейчас углубляться в вопросы этики (потому что по этой логике мы бы и Нафку никогда не прочитали, например) и посмотрим непосредственно на текст. Даже сами дети писателя пишут об этой книге с такой осторожностью, что невольно начинаешь ждать оглушительного провала. Однако это предубеждение, к счастью, не оправдывается. Да, это слегка разбавленный, успокоившийся и чуть недогруженный смыслами и событиями Маркес, но это безусловно Маркес. Героиня новеллы — сорокашестилетняя Анна Магдалена Бах — каждый год в августе приезжает на небольшой не самый туристический остров, чтобы посетить могилу матери, которая пожелала быть похороненной именно здесь. Один из таких визитов заканчивается бурной ночью с незнакомцем, первой в замужней жизни Анны Магдалены. Опыт этот оказывается настолько волнующим, что с тех пор она начинает искать подобных приключений в каждый свой проезд сюда. Маркесу удастся точно передать смятение и томление героини, оттенки ее психологического состояния, провести читателя через несколько лет — и эффектно закончить с неизбежным катарсисом, когда судьба женщины

вдруг тесно сплетается с судьбой ее матери, покоящейся на вершине островного холма. Книга, которая прекрасно подойдет для чтения в дороге, составляет интересную смысловую рифму к последнему роману Дж. М. Нутзее «Полян», который, кажется, мог бы стать второй частью большого романа Марнеса.

«Его поведение напугало ее и утвердило в подозрении, что мужчины вообще стали относиться к ней по-новому. За ней всегда пытались приударить, но она оставалась так равнодушна к этим попыткам, что тут же забывала их без сожаления. Однако в том году, вернувшись с острова, она стала чувствовать, что на лбу у нее словно стигма, и мужчины эту стигму видят, и уж конечно ее не может не замечать тот мужчина, который так любит Анну Магдалену и которого она сама любит больше всех на свете. Они с мужем долгие годы были заядлыми курильщиками, выкуривали по две пачки в день и бросили вместе, из любви друг к другу. Но после острова она снова начала – и он понял это по переставляемым пепельницам, по запаху табака, не скрываемому бесшумными распылителями ароматов, по забытым впопыхах окуркам».

ПОЛ ЛИНЧ, «ПЕСНЬ ПРОРОКА» («АЗБУКА-АТТИНУС»)

Обладатель Бунера-2023 ирландец Пол Линч написал роман с чертами антиутопии — хронику становления тоталитаризма. На глазах читателя в отдельно взятой стране давление режима нарастает, а прав и свобод у граждан становится все меньше. Главная героиня романа — Айлиш Стан, микробиолог. Она замужем за Ларри — учителем, состоящим в учительском профсоюзе. В католической семье четверо детей. Власть в стране захватывают ультраправые, муж участвует в акции протеста, и его забирает полиция. Поначалу ситуация кажется совершенно рядовой, потому что участие в подобных митингах для членов профсоюза естественно. Однако Айлиш не может получить никакой информации о муже, к нему не пускают ни ее саму, ни адвокатов. Для детей она придумывает версию с внезапной командировкой, но по туманности ее ответов те начинают подозревать, что причина отъезда отца в споре родителей: теперь они разведутся и семьи больше не будет.

Айлиш остается одна с детьми и страдающим деменцией отцом, старшего сына призывают в армию, ей даже удается укрыть его, но потом он пропадает — видимо, присоединяется к повстанцам Северной Ирландии, потому что не понимает реальной опасности, его тянет на приключения. Но и это — еще не все потери, которые выпадут на долю Айлиш и ее судьбы. «Песнь пророка» — мрачное предзнаменование, роман-предупреждение о расчеловечивающей системе, перед которой каждый человек — беззащитный и ничего не понимающий, но до последнего надеющийся, что все это просто страшный сон.

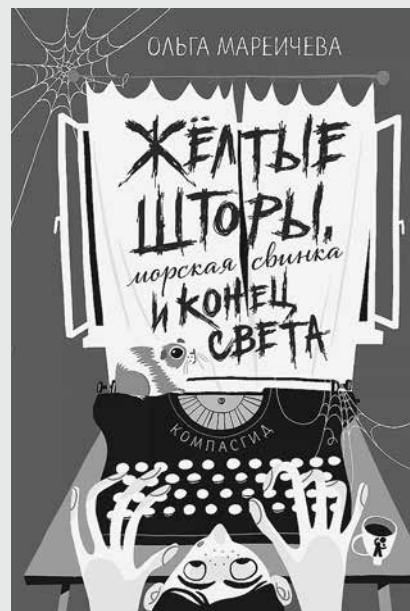
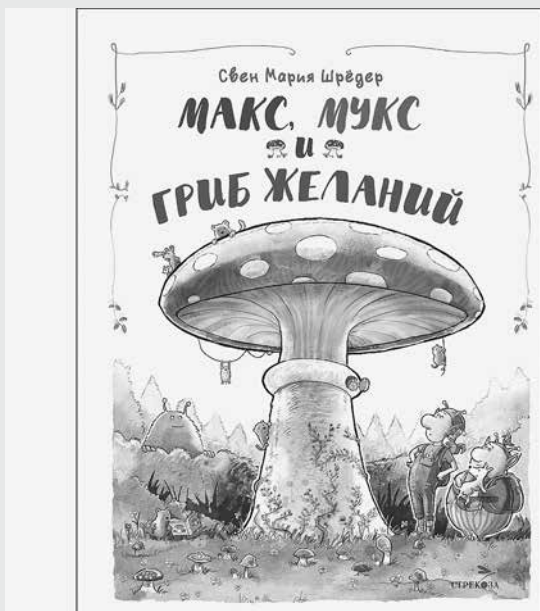
«Сидя за рулем, он злится на самого себя, его разум мечется, ища, к чему прислониться, но Ларри понимает, что прислониться не к чему. Голос в трубке был таким деловым, почти вежливым, прошу извинения за поздний час, мистер Стэк, мы не отнимем у вас много времени. Он паркуется за углом от участка “Гарда Шихана” на Кевин-стрит, размышляя о том, какой эта дорога была раньше, уж точно куда более оживленной, за последнее время город заметно притих. Неосознанно сжав зубы, он подходит к стойке и открывает рот для дежурной улыбки, думая о детях, Бейли наверняка вычислит, что он выходил, мимо этого маль-

чишки и муха не пролетит. Ларри разглядывает бледную веснушчатую руку дежурного офицера, который неслышно докладывает в трубку. Его встречает молодой детектив, худощавый и бойкий, в рубашке и галстуке, на восковом лице собранность и деловитость, судя по голосу, тот самый, что говорил с ним по телефону».

РАЙК ВИЛАНД, «ОСКОРБЛЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ» (POLYANDRIA NOAGE)

«Оскорбление третьей степени» — гротескный роман о границах социальной нормы и допустимом поведении в обществе. Психиатр-сомнолог Оскар Б. Марнов приходит в берлинский полицейский участок неподалеку от Александерплац по весьма щекотливому делу. Он принес заявление на человека, который вызвал его на дуэль, — букиниста Александра Шилля. Александр настолько давно и прочно существует скорее во вторичной реальности исторических манускриптов, чем в объективной первичной, что, когда узнает об измене возлюбленной с психиатром, не может придумать никакой более современной сатисфакции нанесенного ему оскорбления третьей степени. Райк Виланд в традициях немецкой карнавальной культуры поназывает, как с течением веков трансформировались рамки общественных приличий и методы цивилизованного выяснения отношений. Однако организовать дуэль в двадцать первом столетии оказывается не так-то просто: даже сам Шилль не знает всех тонкостей этого мероприятия. Да и полиция оказывается перед дилеммой: наказывать за еще не совершенное зачинщина дуэли невозможно, пустить все на самотек — опасно. В гротескно-художественную канву повествования писатель вплетает рассказ о последней зафиксированной в Германии дуэли, которая состоялась в 1937 году. Виланд предлагает посмотреть, какой путь прошло

немецкое (и шире — европейское) общество за эти восемь столетий, и сделать вывод о том, многое ли изменилось в нашем мире.

«Буканист с нетерпением ждал, когда на торги выставят пистолеты. Затеиливый парад пережитков минувших времен, устраиваемый в этом зале, не вызывал у него ни малейшего отторжения. Скорее здесь он чувствовал себя комфортно и испытывал странное утешение от мысли, что предшествующие исторические эпохи произвели нечто достойное увековечивания, хотя, на взгляд Шилля, для самого впечатляющего лота — датированного I в. н. э. и на удивление прилично сохранившегося шлема римского центуриона, стартовая цена тридцать пять тысяч, — нельзя было придумать абсолютно никакого разумного применения».

СВЕН МАРИЯ ШРЁДЕР, «МАНС, МУКС И ГРИБ ЖЕЛАНИЙ» («СТРЕНОЗА»)

Сказочная история с яркими иллюстрациями в духе Свена Нурднвиста для детей младшего школьного возраста. В Сказочном лесу живут два гнома — Манс и Мукс, друзья и соседи. У них есть собачка Ханси и белочка Эрика. Манс любит приключения, а Мукс — книги о приключениях, но это не мешает их дружбе. Одна случайно найденная в лесу книга о сказочных грибах запускает целую череду событий: гномы отправятся в путешествие, преодолеют свой страх, помогут ужасному Нравушелю (который, конечно, окажется совсем не ужасным), исполнят заветное желание и увидят настоящих Великанов.

Добрая и милая книга о дружбе, вреде стереотипов и преодолении собственных недостатков.

«Макс дернул за веревку, чтобы проверить, насколько прочно закрепилась веревка».

– Выдержит! – утвердительно заявил он и полез вверх, прямо как настоящий скалолаз, а Ханси решил не отставать от своего хозяина.

Макс посадил друга, а потом он просто закрыл глаза, чтобы не смотреть, как тот лезет все выше и выше.

– Можешь открывать глаза! – крикнул ему Макс, добравшись до самого верха.

Гриб, на который забрался Макс, был преогромным, на картинке он казался намного меньше...»

ОЛЬГА МАРЕИЧЕВА, «ЖЕЛТЫЕ ШТОРЫ, МОРСКАЯ СВИНКА И КОНЕЦ СВЕТА» («КОМПАСГИД»)

Писательница-фантаст Ольга Мареичева издавалась в сборниках Манса Фрая, которые, как мы помним, культивировали Вильнюс как город, в котором возможно все. Магический реализм там — явление совершенно обыденное и ординарное. События и этого сборника из восьми историй для подростков происходят в Вильнюсе — а значит, ничему удивляться не приходится. Ольга Мареичева разрабатывает и трансформирует канон детского городского фольклора, тех самых «страшилок», на которых выросло не одно поколение.

Но это не просто страшные истории, это еще и хорошая подростковая психологическая проза. Например, о двенадцатилетней девочке Дине, отец которой вдруг ушел из семьи к матери ее лучшей подруги и одноклассницы. Очень просто и без лишнего надрыва автор показывает, как ребенок справляется с предательством и вынужденно рвет отношения с той, кого считала практически названной сестрой. Интересная, достоверная, увлекательная и жизненная проза.

«Хорошее настроение мигом улетучилось. Отец понял, что ляпнул что-то не то, неуклюже попытался вернуть разговор на прежние рельсы, но, к счастью, домой вернулся Эрик.

Я сцепилась в его появление как в спасительный круг и наотрез отказалась понимать намеки: может, девочка хочет с папой наедине поговорить? Так что беседу мы продолжали втроем и разговор шел в основном о ремонте. Мужчины держались дружелюбно, но невооруженным глазом было видно, как же они друг другу не нравятся! Я-то это быстро просекла и еле сдерживалась, чтоб не захихикать: надо же, ревнуют! Причем про Эрикову ревность и неприязнь я думала с умилением, а вот отец вызывал у меня только злорадство. Опомнися!

До “опомнися”, конечно, было далеко».

